

Г. КОЗИНЦЕВ

Спираль

Последние годы я тружусь над классическими произведениями. Менее всего они интересуют меня как некая академическая работа, далекая от жизненных дел и интересов.

Именно силой вмешательства в жизнь, активностью борьбы привлекают меня эти вещи. В них я нахожу не красоту ушедших времен или занимательность сюжета, а призыв к действию, к мысли.

У кинематографии много жанров, каждому из них честь и место на экране. Повторяя это общеизвестное утверждение, я не хотел бы забывать ленинские слова о том, что народ имеет право не на зрелище, а на подлинное искусство. Искусство же начинается тогда, когда замолкает невежество, господствует мысль.

Я не верю в так называемые «экранизации», где самый сложный лабиринт сцеплений подменен передачей фабулы, прямой дорожкой, по которой расставлены стрелки, направленные к концу маршрута с обозначением морали, темы.

«Познание человека не есть... прямая линия, — вчитываюсь я в ленинские слова, которые узнал много лет назад, но к которым вновь и вновь возвращаюсь, — а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию»...

В этом существе дела: увидеть в произведении не только изображение давних времен, но и виток спирали, продолжение исторического движения и движения культуры, где вновь, уже в иных формах и масштабах, возникают перед новыми поколениями жизненные противоречия, решить которые на новой, более совершенной основе является делом человечества, человека.

Иначе на экране — омертвление мысли или шутки, с злободневной игрой слов, отрывки, обломки, кусочки вместо движения, вместо жизни и истории.

Небольшая запись в «Философских тетрадах» В. И. Ленина для меня не только основа теории познания, но и метод работы, подход к искусству.

